

Фан Цзычэнь пребывал в дурном расположении духа, которое трудно было передать словами. Растущее с каждым днем чувство собственности по отношению к Чжао-гэру начинало его всерьез беспокоить.

Он был вечно занят работой и заработком денег, уходил на рассвете и возвращался в сумерках. Порой он понимал, что невольно обделяет вниманием и дом, и супруга, и маленького Гуай-цзя, а потому считал, что не имеет права на упреки. У них не было периода ухаживаний, они не узнавали друг друга постепенно — их жизни просто столкнулись и переплелись, заставив притираться характерами уже на ходу.

Фан Цзычэнь всё это понимал, но мысль о том, что Ма Вэнь преследовал Чжао-гэра так долго, а тот не обмолвился об этом ни единым словом, оставляла в душе горький осадок. То же самое было и с Лю-паршивцем: если бы не чужие люди, юноша так бы и оставался в неведении.

***

Чжао-гэр, с юных лет привыкший выживать в семье Ма среди побоев и издевательств, давно научился по малейшим признакам угадывать чужое настроение. Вот и сейчас он отчетливо чувствовал, что муж чем-то глубоко недоволен.

«Почему он злится? Неужели...»

— Муж, — Чжао-гэр тербил край одежды, тихим голосом пытаясь объяснить: — Между мной и Ма Вэнем нет ничего из того, о чем болтают в деревне. Я никогда не думал к нему возвращаться, он мне совсем не нравится. Я...

Фан Цзычэнь с бесстрастным лицом и холодком в голосе перебил его:

— Он ведь давно тебя преследует? Почему ты раньше не говорил мне об этом?

«Потому что забыл... — промелькнуло в голове у Чжао-гэра. — А еще потому, что такая мелочь не казалась достойной упоминания».

Цзычэню нужно было работать, нужно было повторять уроки, и Чжао-гэр не хотел обременять его подобной ерундой. Кто же знал, что всё обернется так скверно и сплетни в деревне станут настолько грязными?

Он замялся, не зная, как подобрать слова, и в итоге смог лишь выдавить:

— Прости меня.

— Мне не нужны твои извинения, — отрезал Фан Цзычэнь. — Я просто хочу понять — почему? Представь, если бы это меня на улице осаждала какая-нибудь женщина, и слухи о нашей интрижке гремели бы на всю округу. Ты — мой фулан, мой самый близкий человек, тот, с кем я делю ложе. И вот все вокруг уже в курсе, а ты — единственный, кто ничего не знает. Что бы ты почувствовал?

Он помолчал немного, добавив уже серьезно и строго:

— Я верю, что между тобой и этим Ма Вэнем ничего нет. Я просто не понимаю, почему ты скрыл это от меня.

Эти слова задели Чжао-гэра за живое, и он мгновенно осознал чувства мужа. Юноша не на шутку разволновался:

— Я... я просто боялся помешать тебе, боялся, что ты будешь отвлекаться от дел... Прости.

Тон Фан Цзычэня оставался отчужденным и резким:

— Вечно ты чего-то боишься. Если рот тебе не нужен, отдай его тому, кому он пригодится.

Он впервые разговаривал с супругом в подобной манере. В самом начале их знакомства Чжао-гэр, верно, расплакался бы от обиды, но сейчас он лишь пристально смотрел на мужа несколько мгновений. Затем, глубоко вздохнув и собрав в кулак всё свое мужество, он подошел к нему вплотную.

Фан Цзычэнь фыркнул и, словно не желая его видеть, демонстративно отвернулся. Чжао-гэр обошел его, преграждая путь, но тот снова хмыкнул и опять повернулся к нему спиной.

В третий раз Чжао-гэр не дал ему ускользнуть. Он стремительно обхватил мужа руками, прижимаясь к нему всем телом, и, приподнявшись на цыпочки, нежно коснулся его губ, обдавая дыханием, сладким, словно аромат цветов.

— Прости меня, — прошептал он мягко и умоляюще. — Я знаю, что виноват, и больше такого не повторится. Пожалуйста, не сердись на меня, хорошо?

Фан Цзычэнь на миг опешил, его напускная суровость дала трещину.

— Ты... извиняйся сколько влезет, но зачем сразу целоваться? — пробормотал он в замешательстве.

Кончики ушей Чжао-гэра вспыхнули пунцовым, но он, вновь набравшись смелости, поцеловал его еще раз:

— Пожалуйста, не злись.

Средь бела дня, да еще и всего лишь второй поцелуй в их жизни — неудивительно, что обоих охватило смущение. Сердце Цзычэня забилося чаще, краска залила лицо, и он впервые почувствовал, как теряет контроль над ситуацией.

— ...Это нечестный прием.

— Значит, ты больше не сердишься?

Фан Цзычэнь упрямо вскинул подбородок:

— Сержусь. Двух поцелуев маловато будет, чтобы я остыл.

Но по его голосу было ясно — мир восстановлен.

Чжао-гэр негромко рассмеялся и потянул его в комнату. Как только дверь захлопнулась, муж обхватил его за талию со спины, осыпая поцелуями шею. Тело юноши отозвалось приятной дрожью, и он, обернувшись, закинул руки Цзычэню на шею.

Молодая кровь брала свое. Хоть они и были супругами, сейчас они вели себя как страстно влюбленные — в воздухе между ними словно искры летали, готовые в любой миг разжечь пожар.

— Больше так не делай, — прошептал Фан Цзычэнь. Голос его охрип, дыхание стало тяжелым. Он прижался своим лбом ко лбу Чжао-гэра: — Я не хочу, чтобы ты что-то скрывал от меня. Мы муж и муж, мы должны со всем справляться вместе. Я... я не хочу, чтобы к тебе приставали другие мужчины, не хочу, чтобы тебя кто-то касался. Ты только мой. Только мой, и больше ничей.

Чжао-гэр прижал ладони к его груди, прерывисто дыша.

— Я понял, — выдохнул он, открывая свои чувства. — Я только твой. И принадлежу лишь тебе.

Не успел он договорить, как Фан Цзычэнь подхватил его на руки и бережно опустил на кровать, нависая сверху. Их языки сплелись в глубоком поцелуе. Муж начал неспешно распускать завязки его одежды и просунул руку внутрь.

Кожа Чжао-гэра, долгое время скрытая под грубой тканью, была нежной, гладкой и ослепительно белой, словно первый снег. Цзычэнь не мог оторваться ни от единого участка его тела, переходя от губ к шее, а затем от шеи к груди.

Юноша не шевелился и не сопротивлялся, застыв в покорной, почти жертвенной позе. Он лишь зарылся пальцами в мягкие волосы мужа, нежно поглаживая их. В какой-то момент кожа на его груди внезапно натянулась — Фан Цзычэнь с силой присосался к ней, оставляя яркую отметину.

За окном догорал закат, окрашивая комнату в кроваво-красные тона. Они сплелись в объятиях, отдаваясь друг другу без остатка. В комнате зазвучали двусмысленные вздохи страсти.

— Папочка! — вдруг раздался во дворе звонкий голосок Гуай-цзая.

Фан Цзычэнь вздрогнул, а затем, издав сокрушенный вздох, уткнулся лицом в плечо супруга.

— Этот мелкий паршивец... — пробормотал он с досадой. — Опять, черт бы его побрал, напугал меня так, что у меня всё упало.

Чжао-гэр тоже растерял весь пыл. Он легонько подтолкнул мужа:

— Иди скорее, открой дверь.

— Ладно, ладно...

Фан Цзычэнь сел и привел одежду в порядок, хотя низкий ворот никак не мог скрыть свежий «земляничный» след на шее. Он коснулся его пальцами, чувствуя легкое покалывание, и с лукавой усмешкой посмотрел на Чжао-гэра:

— Ну ты и присосался, едва кожу не содрал.

У Чжао-гэра запылали уши, сердце гулко забилося в груди, и он смущенно отвернулся. Видимо, он и впрямь немного потерял голову от неопытности.

Цзычэнь наклонился и нежно коснулся губами его мочки:

— Ничего страшного. Перед таким красавцем устоять невозможно, это нормально. Я тебя прощаю.

В доме послышался шум, но никто не ответил, поэтому Гуай-цзай, пыхтя от усердия, притащил из кухни табуретку, приставил ее к окну и взобрался наверх.

— Отец! — радостно воскликнул он, увидев их. — Отец, ты почему уже дома? Вы с папочкой спать укладываетесь? Но ведь еще совсем не темно!

Чжао-гэр заволновался:

— Да иди же ты скорее, открой ему дверь!

Если кто-то чужой это услышит — позора не оберешься! Кто же ложится спать среди бела дня? Любому и без слов станет ясно, чем они тут занимались.

Фан Цзычэнь вышел, снял сына с табуретки и легонько шлепнул его по попе:

— Ах ты, маленький негодник.

Гуай-цзай весело заерзал:

— Отец, почему ты сегодня так быстро пришёл? Соскучился по Гуай-цзаю, да?

Фан Цзычэнь хмыкнул:

— Еще чего, больно надо...

Раз уж выдался свободный вечер, отец повесил на шею сыну корзинку.

— Пошли. Я научу тебя ловить крабов.

Гуай-цзай, помня прошлый опыт, недоверчиво насупился:

— Отец, клобы кусаются, больно будет! Не пойдем.

Фан Цзычэнь призадумался:

— Ты что, не хочешь отомстить своим обидчикам? Ну ладно, тогда пойдем ловить рыбу. Идешь?

— Иду!

Чего в деревне Сяохэ хватало с избытком, так это речушек и ручьев. Чжао-гэр тоже отправился с ними — он лучше всех знал места, где водится мелкая рыбешка. Деревенские ребята и молодые парни часто приходили сюда, чтобы добыть что-нибудь к ужину. Мясо стоило дорого, а речные дары — бесплатные, только сумей поймать. Если повезет, можно было наловить с полфунта.

Фан Цзычэнь велел супругу и сыну встать с корзиной внизу по течению, а сам зашел выше. Он принялся баламутить воду палкой, и не успел дойти до середины, как Гуай-цзай закричал:

— Отец, рыба! Рыба плывет!

Всего за полчаса они наловили больше двух цзиней мелкой рыбы, каждая размером не больше мизинца. Заметив восхищенный взгляд сына, Фан Цзычэнь снова начал важничать:

— Пустяки. Человек талантливый во всем преуспеет. Ты должен брать с отца пример и стать всесторонне развитым человеком: и умом, и телом, и душой, и помыслами. Понял?

Гуай-цзай ровным счетом ничего не понял, но послушно кивнул.

Чжао-гэр тоже был доволен и уже собрался идти домой, но муж, вытирая пот со лба, азартно блеснул глазами:

— Чжао-гэр, я хочу искупаться.

Что это за лето, если ни разу не окунуться в прохладную воду? Это всё равно что есть острый котел и не добавить перца. Плавать он умел, и Чжао-гэр, не желая портить ему настроение, согласился:

— Хорошо. Тогда я пойду домой, приготовлю ужин.

Гуай-цзай хотел посмотреть, как отец плавает, поэтому остался на берегу. Добравшись до глубокого места, Цзычэнь, не снимая одежды, с разбегу нырнул в воду. Раздался громкий всплеск, и он исчез в глубине. Ни пузырька, ни кругов на воде.

Малыш испугался и закричал:

— Отец!

Фан Цзычэнь, не издавая ни звука, незаметно подплыл к самому берегу и вдруг выскочил из воды с громким рыком, обдав сына брызгами. Мальчик сначала вздрогнул от неожиданности, а потом заливисто рассмеялся.

Мужчина протянул к нему руки:

— Иди ко мне, отец научит тебя плавать.

Все дети любят возиться в воде, так что Гуай-цзай пришел в полный восторг. Он мигом скинул

одежку и бросился к отцу, сверкая на солнце белоснежными ягодицами, словно маленький поросенок. Фан Цзычэнь бережно подхватил его.

Он крепко держал сына под мышки. Хоть дна под ногами не было, Гуай-цзай, чувствуя надежные руки, быстро осмелел. Он принялся отчаянно молотить по воде руками и ногами, поднимая тучи брызг.

— Отец, как здорово!

***

Чжоу-гэр, возвращавшийся с охапкой хвороста за спиной, еще издали увидел, как Фан Цзычэнь держит Гуай-цзая и раз за разом окунает его в воду. Мальчик размахивал руками, и Чжоу-гэру на миг показалось, что происходит нечто ужасное. Сердце у него ушло в пятки, он бросил хворост и со всех ног помчался к реке.

— Гуай-цзай!

Но в воде двое так увлеклись игрой, что ничего не слышали. Подбежав ближе и разобрав веселый смех ребенка, Чжоу-гэр резко затормозил у самого края.

— Смотри, сынок, это — брасс, похоже на лягушку? — Фан Цзычэнь вовсю демонстрировал свои навыки. — А это — по-собачьи. А это — на спине.

— Отец, Гуай-цзай тоже хочет научиться! Научи меня!

— Ладно-ладно, всему научу.

Гуай-цзай, обернувшись, заметил знакомую фигуру:

— Дядя Чжоу!

Чжоу-гэр перевел дух и спросил:

— Что это вы тут делаете?

— Плаваем! Гуай-цзай учится плавать, это так весело!

Чжоу-гэр почувствовал себя неловко.

«Он-то, дурак, подумал... подумал, что Фан Цзычэнь наслушался сплетен, разозлился и решил утопить мальчишку!»

Как бы ни был талантлив Гуай-цзай, времени на игры уходило куда больше, чем на учебу, так что плавать он еще не научился. В итоге отец посадил его себе на спину и, точно большой конь, катал по всей реке. Счастливый смех ребенка разносился далеко по округе.

<http://bllate.org/book/15357/1428540>